

Привнесение современных понятий в экономическую жизнь античности и шире – в историю древнего мира – не является индивидуальной особенностью М. И. Ростовцева как историка, оно было свойственно многим ученым из поколения его учителей, а затем и его учеников, и потому должно быть рассмотрено на широком фоне. Во второй половине XIX в., с зарождением экономической истории вообще и применительно к древнему миру в частности, политэкономы К. Родбертус и К. Бюхер трактовали экономическое развитие древности в господствующих тогда понятиях прогресса, в соответствии с которыми на период античности приходился весьма примитивный экономический уклад – замкнутое домовое (ойкосное) хозяйство. Эта экономическая система не подразумевала рыночного хозяйства, конкуренции, широкого товарооборота, торгового капитала, слоя ремесленников, живущих своим трудом, товарной специализации отдельных областей и прочих атрибутов «народного хозяйства», которое, по Бюхеру, возникает лишь в XV–XVI вв.

Против такой очевидной архаизации античной экономики выступил Эдуард Майер, который не просто усматривал в древности множество капиталистических элементов, – ранее их видел Т. Моммзен, позже его ученик М. Вебер, Ю. Белох, У. Вилькен, Р. Пёльманн, – но и в принципе отверг теорию прогресса в пользу теории циклов, или двух параллельных периодов в мировой истории, сходных своими базовыми чертами. У Ростовцева эта теория циклов представлена уже в его ранней статье «Капитализм и народное хозяйство в древнем мире» (1900), содержащей многие идеи, развитые им впоследствии в капитальных трудах по социально-экономической истории эллинизма и Римской империи. Неверно поэтому связывать эти идеи с воздействием на его мировоззрение революции 1917 г. Известный социолог Питирим Сорокин, ставший в эмиграции близким другом Ростовцева, также придерживался циклической теории; в России в 1900–1910-е гг. концепцию Майера в той или иной степени разделяли или признавали Р. Ю. Виппер, М. М. Хвостов, И. В. Нетушил. В советское время эту концепцию использовали С. И. Ковалев, В. С. Сергеев и др. Против теории античного капитализма в 1920-е гг. активно выступал лишь историк-марксист А. И. Тюменев.

Оценивая дискуссии об эллинистическом и римском капитализме как самом ярком примере приложения современных категорий к экономической жизни в древности, следует учитывать, что борьба архаизаторов и модернизаторов есть составная часть и мощный стимул научного постижения античности, использующего объяснительные модели. Во второй половине XIX в. понятие «капитализм» еще не было сформировано (Маркс, например, не употреблял его в своих трудах), и потому его объем и содержание в трудах Ростовцева, его единомышленников и критиков значительно варьировались, что мешало взаимопониманию. Привычное нам учение о социально-экономических формациях (рабовладельческой, феодальной, капиталистической и пр.) было разработано лишь в 1930-х гг. в ГАИМКе, заставив многих советских антиковедов отказаться от прежних взглядов на исторический процесс, в то время как другие, например, С. Я. Лурье, продолжали

писать о борьбе в греческой математике прогрессивной буржуазии с феодалами-пифагорейцами.

В Европе и США между двумя мировыми войнами сложился широкий консенсус, выразителем которого выступал Ростовцев, так что критику его теорий М. Рейнхолд смог напечатать лишь в марксистском журнале *Science & Society* (1946). Альтернативой историцистской теории, рисовавшей развитие человечество как смену этапов или формаций, был метод М. Вебера: он рассматривал «феодализм» и «капитализм» как универсальные типы хозяйствования, совместимые с различными историческими формами производства, хотя и критиковал Э. Мейера за попытки найти в античности следы промышленного капитализма. Однако ведущий историк античной экономики послевоенного времени М. Финли, используя идеи Вебера, в основном склонялся скорее к позиции «примитивистов»: он не только настаивал на самодостаточности ячеек античной экономики, но и отрицал технологический прогресс и экономический рост на всем протяжении античной истории. В последние десятилетия XX в. стало ясно, что модель, предложенная Финли, нуждается в такой же, если не более существенной модификации, что и теории Ростовцева.

Почти через сто лет после выхода *The Social and Economic History of the Roman Empire* (1926) Ростовцева избранный им способ модернизации античности остается одним из самых плодотворных в той области, где теоретические модели современной экономической науки накладываются на ограниченный и с трудом поддающийся количественному анализу материал.